

Книги Павла Корнева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТΙΑ**

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 957

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 Бессердечный: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 344 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2022-3

Некогда в этом мире властвовали падшие, но люди сбросили их тиранию и создали могучую империю с колониями, раскинутыми по всему свету. Власть метрополии сильна как никогда, но ее прошлое темно, а будущее смутно. Старые тайны способны в один миг уничтожить все, что создавалось годами, ведь от предательства не спасут ни армады броненосцев, ни груженные бомбами дирижабли.

Ключ к одному из таких секретов по наследству и воле случая достается Леопольду Орсо, бывшему сотруднику сыскальной полиции, а ныне частному детективу. Его талант сиятельного способен оживлять страхи, но и он не поможет выпутаться из паутины чужих интриг. Прогрыш грозит обернуться неминуемой гибелью, победа манит призрачным шансом уцелеть, душу разъедают старательно забытые воспоминания. А ведь он просто хотел получить причитающееся по праву рождения наследство.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2022-3

Нервами, нервами сшитое сердце мое!
Группа «Стимфония». Сердце

Часть первая
МАВР. ЗАКАЛЕННАЯ СТАЛЬ
И ЗАГУЩЕННЫЙ КЕРОСИН

1

Ночь. Мрак. Скорость.

Риск.

Надсадно ревет движок; броневик несется по размокшей от дождя проселочной дороге, ежеминутно и даже ежесекундно рискуя слететь на обочину и завязнуть в грязи, а то и вообще врезаться в дерево или перевернуться. Колеса подпрыгивают на кочках и проваливаются в выбоины, руль всякий раз дергается и пытается вырваться из рук, приходится стискивать его изо всех сил, дабы не упустить и не потерять управление.

Первая же оплошность грозила стать и последней.

Скорость. Риск.

Ноги давно занемели, спину нещадно ломило, а глаза беспрестанно слезились, но я нисколько не раскаивался, что сорвался в имение дяди глухой ночью, сразу, как только покончил с формальностями в китайском квартале. А вот Рамон Миро жалел об этом с самого начала нашей безумной поездки.

Его неизменно красноватого оттенка лицо сейчас напоминало цветом сметану, сам же бывший констебль расщеперился, как морская звезда, опасаясь вылететь из кресла при очередном рывке, и явно боролся с рвотными позывами. В то, что неведомый душитель сумеет нас опередить, он нисколько не верил и не переставал об этом твердить, пока его окончательно не укачало.

— Остановись почистить фары! — потребовал он.

— И так светят! — отмахнулся я, не желая терять время.

«Или пан, или пропал! — мысленно повторил я слышанную от деда поговорку. — Или пан, или пропал, и никак иначе!»

Мы должны успеть. Успеть во что бы то ни стало!

К счастью, за городом дождь стих, а дорога большей частью бежала среди полей, обходя лески и рощицы стороной. Мне оставалось лишь высматривать ямы и давить на газ, выжимая из движка все заложенные в него лошадиные силы.

Тот бешено стрекотал, пожирая гранулы тротила, в кузове гремяхал незакрепленный груз, и не было слышно даже собственных мыслей, но вопрос Рамона я разобрал.

— Нет! — ни на миг не отрывая взгляда от дороги, крикнул в ответ. — Понятия не имею, кто удавил иудея!

Но точно не человек. Ладони простых смертных не обжигают жертв холодом, не оставляют на их коже следов обморожения. Аарона Малка прикончило либо inferнальное создание, либо *сиятельный* — один из тех налетчиков, что пытались взять меня в оборот.

Кто именно — не суть важно. Важно его опередить.

Убийце теперь доподлинно известно, где именно находится алюминиевая шкатулка с руной молнии на крышке, и очень скоро граф Косице расстанется не только с ней, но и с собственной жизнью. Последнее, если честно, трогало меня мало, да только шансы отправиться при таком раскладе вслед за дядей превышали все разумные пределы.

Если шкатулку заполучат сиятельные, на меня откроют охоту малефики, в противном случае придется и дальше бегать от таинственных банковских грабителей. Только со шкатулкой я мог начать собственную игру; лишь продвинувшись в расследовании, имел реальные шансы переиграть своих оппонентов.

Тут переднее колесо ухнуло в яму, самоходную коляску подбросило, а потом потащило по грязи; в самый последний момент я справился с управлением и выровнял броневик, когда тот уже съехал на обочину и едва не перевернулся в кювет.

Рамон судорожно сглотнул и простонал:

— Ненавижу тебя, Лео!

Я только ухмыльнулся:

— Подумай о трех тысячах...

— Я их уже заработал! — немедленно взвыл крепыш. — Уже! А ты втравил меня в новую авантюру!

— Охоту на оборотня ты тоже полагал авантюрой, так? — легко нашелся с ответом я.

Но Рамон Миро за словом в карман не полез. Он сунул палец в прореху распоротого и залитого кровью плаща и обвиняюще произнес:

— А это нормально, по-твоему?

Парировать этот неоспоримый довод было нечем, да я не стал и пытаться.

— Надо выяснить, из-за чего все это началось! Узнаем, что стоит на кону, — озолотимся!

И вновь Рамон оказался безжалостно точен в формулировках.

— Это надо тебе! — заявил он. — Не мне! Ты озолотишься, не я.

— Не беспокойся, ты тоже внакладе не останешься, — пообещал я, заметил мерцавшие по правую руку огоньки и предупредил: — Проехали станцию, скоро будем на месте.

Рамон промолчал.

Переполошив своим стрекотом и собак, и людей, броневик промчался мимо фермы арендаторов, затем обогнул дубраву и покатил напрямиком к усадьбе.

— Подъезжаем, — предупредил я приятеля. — Готовься.

— Выключи фары, — посоветовал Рамон.

— Пустое, — отказался я не столько даже из-за опасения вылететь на обочину, сколько из-за хлопков двигателя. Такой шум не услышит разве что глухой.

Или мертвый.

Именно эта мысль промелькнула в голове, когда броневик остановился перед закрытыми воротами имения. В оконце сторожки моргал неяркий огонек, но давешний старик и не подумал выглянуть на улицу и выяснить причину визита полицейских в столь неурочный час.

Что-то было не так.

— Что-то не так, — сказал я Рамону.

Да тот и без моего предупреждения уже укрылся за кутив-

шимся паром капотом броневика и упер в плечо приклад винчестера.

— Что я здесь вообще делаю? — простонал он.

— Прикрываешь меня! — напомнил я и выбрался из кабины. — Не зевай! — предупредил приятеля, обежал самоходную коляску и, откинув задний борт, забросил в кузов трость. Взамен вытащил самозарядный карабин и пару подсумков с загодя снаряженными магазинами.

— Очки не мешают? — спросил тогда Рамон.

Я приподнял окуляры из затемненного стекла и хмыкнул:

— Думаешь, так лучше?

Красноватое лицо напарника осветилось отблеском моих сиявших в темноте глаз, и он признал:

— Нет. Верни.

Я опустил очки на нос, осторожно приблизился к воротам и, пристроив винтовку на перекладине, скомандовал Рамону:

— Давай!

Крепыш в один миг перемахнул через ограду, отпер калитку и запустил меня на территорию имения.

— Сторожка! — шепотом предупредил он.

— Ты первый! — столь же беззвучно выдохнул я в ответ.

Шуметь и во всеуслышание объявлять о своем визите не хотелось, даже несмотря на немалый риск поймать заряд соли или мелкой дроби.

Прикрывая друг друга, мы подобрались к приоткрытой двери, там Рамон заглянул внутрь и сразу отпрянул.

— Мертв, — сообщил он и добавил: — Шея сломана.

— Проклятье! — выругался я, на миг заколебался, потом распорядился: — Жди! — и поспешил к броневика.

Снял рулевое колесо, закинул его в кузов, следом забрался сам. На ощупь отыскал закрепленный под лавкой ящик с гранатами, достал две, вкрутил запалы. Потом навесил на борт массивный замок и вернулся к напарнику уже спокойным и собранным, без малейшей дрожи в коленях.

— Надо вызывать подкрепление! — злым шепотом встретил меня Рамон, совсем позабыв о недавнем увольнении.

Я на его больной мозоли топтаться не стал и лишь покачал головой:

— Думаю, мы опоздали.

— С чего ты это взял? — удивился крепыш.

— Дирижабля нет, — сообщил я, указав на одинокий фонарь причальной мачты.

Не горели сигнальные огни летательного аппарата, не проглядывал из ночного мрака белый овал полужесткого корпуса.

— На дирижабле мог улететь убийца, — предположил Рамон.

— Тогда тем более волноваться не о чем, — хмыкнул я и двинулся к родовому особняку.

Крепыш направился было следом, но сразу остановился и заявил:

— Улетел граф или убийца — нам незачем туда идти!

— Брось! — попытался урезонить я напарника. — Мы должны выяснить, что именно здесь произошло!

— На кой черт?

— Чтобы элементарно знать, кого именно разыскивать! К тому же если на дирижабле улетел граф, то душитель где-то поблизости. Вдруг получится его разговорить?

— Нет, — отрезал Рамон. — Это плохая идея.

Я оглядел темный, без единого светящегося окна силуэт особняка, конюшню и разросшийся сад, способный скрыть целую роту солдат, и мысленно согласился с приятелем.

Это и в самом деле была плохая идея. Плохая и очень опасная.

Но вслух сказал другое.

— Либо мы идем вместе, — беспечно пожал я плечами, — либо дождайся меня в броневике. Только учти — если я сгину, иудеи тебе за оборотня ни сантима не заплатят. Подумамай об этом!

— Проклятье! — выругался Рамон, вытер вспотевшее лицо и нервно глянул на мрачный особняк. — Черт с тобой! — сдался он. — Идем!

С тихим смешком я первым двинулся по аллее, дошел до поворота к конюшне, но сворачивать к ней не стал, не желая терять время. Меня манил к себе особняк.

Манил? Я поймал себя на этой мысли и даже замедлил шаг.

Азарт схлынул, словно я переступил некий рубеж, мир вновь обрел объем, силуэты зданий и садовых деревьев перестали казаться вырезанными из фанеры и небрежно раскрашенными театральными декорациями, накатило понимание, что все это происходит прямо здесь и сейчас.

Вернулся страх.

Я замер на месте, вслушался в тишину ночи. Без плеска наших сапог по лужам кругом воцарилась совсем уж гробовая тишина, только прокатился где-то далеко-далеко гудок паровоза. Но он донесся будто из другого мира; даже все имперские бронепоезда, вместе взятые, помочь нам сейчас, увы, ничем не могли.

— Лео! — тихонько шепнул Рамон. — Что такое?

Я передернул плечами, чтобы унять некстати разыгравшееся воображение, и двинулся дальше. Родовое имя мрачной громадой выросло из темноты; вскоре нам удалось различить распахнутую настежь входную дверь.

— Будь я проклят, если нас не приглашают внутрь! — выдохнул Рамон. — «Заходи в гости», — сказал паук мухе!

Нервное напряжение развязало немногословному крепьши языку, и я счел нужным успокоить его. Просто протянул одну из прихваченных с собой гранат.

— Держи.

— Не терпится тут все разнести? — пошутил Рамон, нервно озираясь по сторонам. — Может, сразу дом подожжем, чтобы время не терять?

— Отличная идея! — буркнул я, медленно и осторожно понимаясь на крыльцо. — Прикрывай! — позвал приятеля, первым шагнув через порог.

В прихожей мы постояли, всматриваясь в темноту, затем я щелкнул выключателем, но электрическая лампочка под потолком не зажглась.

Тогда я повесил карабин на плечо, достал из кобуры «Рот-Штейр» и попросил напарника:

— Фонарь!

Рамон передал мне карманный фонарик; яркий луч скользнул по прихожей и сразу выхватил из темноты тело дворцового. Да еще из коридора торчали чьи-то ноги в поношенных штиблетах.

Переступив через тело ночного сторожа, мы прошли в гостиную, там на софе лежала горничная с запрокинутой головой. Обескровленное лицо по цвету ничем не отличалось от белого передника.

— Вот черт! — выдохнул Рамон Миро.

— Тише! — шикнул я на него, прислушиваясь к тишине. За стеной тихонько поскрипывал сверчок, и только. Больше не было слышно ни звука.

— За мной! — скомандовал я тогда и начал первым подниматься на второй этаж.

Яркий луч фонаря плясал и прыгал из стороны в сторону, легко освещая темные углы, и все же меня не оставляло чувство, что из тьмы за нами наблюдают чьи-то холодные глаза.

Самовнушение? Да черт его знает...

Второй этаж проверять не стали.

— Сначала осмотрим кабинет графа, — решил я и двинулся по лестнице дальше.

Как-то совершенно неожиданно у меня пропало всякое желание выслеживать неведомого душителя; захотелось развернуться и бежать отсюда без оглядки, и даже не знаю, что именно удержало от этого постыдного шага — остатки бушевавшего в крови азарта или опасение показаться смешным.

Подозреваю, все же второе.

Мы поднялись на третий этаж, я шагнул в коридор и замер как вкопанный, когда в распахнутой настееж двери кабинета мелькнули отблески керосиновой лампы

И тень! Тень на полу перед дверью слегка колыхалась, то отползая в одну сторону, то скользя в другую. В кабинете кто-то был.

Выключив фонарь, я сунул его в карман и приложил к губам указательный палец. Рамон кивнул, давая понять, что разглядел тень, и весь подобрался в ожидании схватки.

Я перехватил «Рот-Штейр» двумя руками и двинулся вперед. Бесшумно ступая по ковровой дорожке, прокрался по коридору и одним стремительным прыжком заскочил в кабинет. А там сразу отшатнулся в сторону, освобождая место напарнику.

Стрелять не стал: в кабинете никого не оказалось, только

валялись всюду в спешке раскиданные бумаги да щерился прорехами вывернутых на пол ящичков секретер.

Но я ошибся! В первый миг взгляд просто соскользнул с растворенной в тенях фигуры у письменного стола. Огонек керосиновой лампы трепыхался за спиной у неподвижно замершего человека и превращал его черный силуэт в подобие одной из скользких рыбин, что бездумно скользили в аквариуме у дальней стены.

Глаза выхватили из темноты лишь плащ и широкополую шляпу с плоской тульей; больше ничего разглядеть не удалось.

Тени, чтобы их!

Я вскинул пистолет, беря незнакомца на прицел, но прежде чем успел — решился? — выжать спусковой крючок, раздался неприятный свистящий полушепот, столь же призрачный, как и тени вокруг:

— Не стоит!

Фраза неприятной ломотой отозвалась в висках, и я в нерешительности замер с поднятым пистолетом, а вот Рамон медлить не стал. Винчестер оглушительно грохнул, дульная вспышка в ключья разодрала заполонившие кабинет тени, но малефик даже не шелохнулся.

Он выдержал театральную паузу, затем посмотрел на зажатую в руке пулю и безразлично произнес:

— Напрасная трата патронов.

Обозленный неудачей Рамон рванул рычаг винчестера, выкидывая на пол стреляную гильзу, но я остановил его, повторив слова незнакомца:

— Не стоит!

Выложенная таинственным душителем на край письменного стола пуля оказалась не только покрыта инеем, но и деформирована; тонкие пальцы незнакомца смяли алюминиевую оболочку.

— Верное решение, — рассмеялся малефик и жестом фокусника извлек из воздуха шкатулку из светло-серого металла с ломаной руной молнии на крышке. — Полагаю, вас это интересует, сиятельный Орсо?

— Возможно, — осторожно ответил я, гадая, как быть дальше.

Действовать с позиции силы или проявить благоразумие? Напасть первым или попытаться договориться?

Смятая пальцами пуля делала бесперспективным первое; выказанная душителем безжалостность лишала надежды на второе.

И как поступить?

Рамон шагнул от двери в одну сторону, я двинулся в другую. Керосиновая лампа теперь не светила душителю в спину, но даже так сгустившиеся под его шляпой тени были непроницаемы для взгляда и скрывали лицо лучше всякой маски.

— Гадаете, где граф? — спокойно поинтересовался малефик; Рамона он упорно игнорировал и поворачивался на месте вслед за мной.

Я встал так, чтобы нас разделял письменный стол, и демонстративно убрал пистолет в кобуру.

— Даже если граф в аду, особо горевать по этому поводу не стану, — ответил после этого, не особо кривя душой.

— Возможно, и в аду, — усмехнулся душитель. — Хотите взглянуть? — протянул он шкатулку, но сразу отдернул руку обратно, словно дразня.

— Взглянуть? — озадачился я, облизнул губы, спросил: — На каких условиях? — и сразу понял, что совершил непростительную ошибку. Возможно даже фатальную.

Расслабленность душителя в один миг сменилась хищным интересом.

— Не знаете, что внутри, так? — даже подался он вперед, и лишь мелькнувший перед лицом огонек керосиновой лампы заставил его выпрямиться и отступить.

И впервые свистящий полусшепот не отозвался колючим эхом в моей голове, принуждая к быстрому и опрометчиво-откровенному ответу.

— А вы? — спросил я, глядя на трепыхавшего за стеклом огненного мотылька. — Вы знаете?

— Не важно, — ответил малефик, и тени вокруг него пришли в движение, будто обвивавшие циркача удавы.

Один из прозрачных жгутов скользнул к Рамону и обернулся вокруг его лодыжки; крепыш замер на полушаге, а на-

правленный на душителя ствол винчестера вдруг вздрогнул и начал смещаться в мою сторону.

Я с обреченным вздохом снял темные очки, но сияние глаз нисколько не смутило малефика, он только рассмеялся:

— И что же вы будете делать, сиятельный? Напугаете меня до смерти?

— Прихвачу с собой в ад, — ответил я и небрежным движением скинул лампу на пол.

Стекло немедленно расколосось, керосин разлился по кабинету и вспыхнул. Пламя вмиг дотянулось до штор, взлетело к потолку, запалило разбросанные повсюду бумаги, вывернутые ящики, а потом и мебель.

Рамон отбросил винчестер и сорвал с себя объятый пламенем плащ, наткнулся на стул и живым факелом покатился по полу. *Меня* пожар отрезал от входной двери и загнал в угол, а вот душитель не потерял присутствия духа — или же обезумел от страха? — и ринулся к спасительному выходу напрямик через огненную стихию.

Я взглянул на хронометр, выжидая загаданную минуту, но *Рамон* протянул ко мне руку и умоляюще прохрипел:

— Перестань!

Решив не испытывать терпение напарника, я снял с плеча карабин и ударом приклада рассадил боковую стенку аквариума. Хлынувшая на пол вода в один миг смыла лужицу горящего керосина, и в кабинете воцарилась непроглядная темнота.

— Адский пламень! — прошептал *Рамон* пересохшими губами и отлип от стены. — Как же больно!

— Молчи! — шикнул я на него, перебежал к входной двери и выглянул в коридор, но душителя уже и след простыл. Прислушался — от густой тишины зазвенело в ушах.

Рамон встал рядом и едва слышно выдохнул:

— Ушел?

— Ушел, — подтвердил я столь же тихо.

Крепыш с облегчением вытер покрытый испариной лоб и без сил повалился в кресло. Его зацепил лишь малый отгосок чужого ужаса, но даже так он походил на одну из бившихся в опустевшем аквариуме рыб.

— Он не вернется? — спросил *Рамон*, когда я включил

электрический фонарик и принялся изучать учиненный в кабинете разгром.

— Нет, — уверенно заявил я в ответ. — А если и вернется, то увидит дом в огне.

— Как ты сделал это?

Я только рассмеялся:

— Это все мой талант, дружище, не забыл?

Душителю боялся огня; я заметил это по той резкости, с которой он отпрянул от керосиновой лампы. Оставалось лишь вовремя дернуть за эту ниточку и превратить лужицу горящего керосина в бушующий пожар.

У страха глаза велики? Воистину так!

На полу в луче электрического фонаря сверкнул отблеск алюминиевой шкатулки; я натянул перчатки и поднял ее, но замок оказался взломан, а сама она — пуста.

— Проклятье! — выругался я, не скрывая разочарования.

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем! — огрызнулся я, в сердцах зашвырнул шкатулку в угол и прошелся по кабинету, но так и не пришел ни к какому определенному выводу, чьих рук дело этот кавардак: спасавшегося бегством графа или прибывшего по его душу малефика.

— Лео, надо убираться отсюда! — поторопил меня крепыш, когда я начал разбирать разбросанные по полу обгорелые бумаги, мокрые из-за разлившейся всюду воды.

— Надо, — согласился я с напарником и сунул в карман смятую душителем пулю. — Только сначала проверим дом.

Комнату за комнатой мы обошли весь особняк, но на втором и третьем этаже никого не оказалось, а все слуги внизу были мертвы. Душителю отличался завидной методичностью, он не упустил никого.

— Где родные графа? — спросил Рамон, когда мы прошли в гостиную.

— Дочери в пансионе, жена на водах, — ответил я. — Континентальная Европа, до них не добраться ни нам, ни малефику. Нам — так точно.

— Будешь искать графа?

— А сам как думаешь?

— Твое дело, — не стал отговаривать меня Рамон и вдруг указал на тело служанки, распростертое на софе. — Подожди-ка!

— Что такое?

— Посвети на шею!

Я выполнил распоряжение напарника, присмотрелся и сразу заметил две темно-синих отметины на мертвенно-бледной коже.

— Чтоб меня разорвало! — охнул крепыш. — Здесь был вампир!

По спине пробежал неприятный холодок; я пересилил себя и заставил прикоснуться к мертвой девице. Тело уже остыло, но в отличие от остальных жертв только-только начинало коченеть.

— Во что ты втравил меня, Лео?! — зашипел Рамон испуганно и гневно. — Малефики и вампиры, подумать только! Да вампиров даже в Европе почти не осталось, а у нас и по-давно!

— Если оборотень прилетел из Нового Света, почему бы не сделать это вампиру? — пробурчал я.

— Зачем? На кой черт? Что происходит, Лео?

Я отмахнулся от напарника и поспешил на выход.

— Давай убираться отсюда! Уже светает!

— Нет, постой!

— Так не терпится угодить за решетку? — нахмурился я, глянув на приятеля сверху вниз.

— Хорошо, после поговорим! — решил крепыш, но стоило только мне двинуться к выходу, ухватил за руку и придержал. — А ты уверен, что малефик был один? — спросил он и первым выглянул на улицу с винчестером на изготовку.

— Почему нет? — удивился я.

— Как он смог в одиночку перебить столько людей?

— Тени, — напомнил я. — Ему помогали тени. Ты меня чуть не подстрелил из-за одной такой, помнишь?

Рамона от неприятного воспоминания откровенно передернуло, он загнал в трубчатый магазин винчестера патрон взамен стреляного и пробурчал:

— Все равно не зевай!

Я кивнул и снял с плеча самозарядный карабин. Душите-ля винтовочной пулей точно не пронять, но вампиры имеют обыкновение окружать себя смертными помощниками. Да и спокойней с оружием в руках-то...

Высокое крыльцо особняка выходило на восток, на самом горизонте облака уже окрасились розовым, и я негромко произнес:

— Светает!

Крепыш кивнул, давая понять, что расслышал мои слова, но бдительности не потерял; в байки о сгорающих на солнечном свете вампирах он не верил. Я, если начистоту, — тоже. Поэтому до броневика добирались без лишней спешки, не отрывая глаз от подступавших к аллее деревьев и кустов.

Птицы уже затеяли свою обычную утреннюю перебранку, от фермы арендаторов донесся петушиный крик, и риск наткнуться на случайного прохожего возрастал с каждой минутой. Подойдя к воротам, мы распахнули калитку и опрометью бросились к броневику.

Рамон предусмотрительно заглянул под самоходную коляску и дал отмашку:

— Порядок!

Тогда я отпер кузов и закинул в него винтовку, взамен достал рулевое колесо. Крепыш подбежал и протянул винчестер.

— Убери, — попросил он.

Я принял ружье и сразу простонал:

— Болван!

— Что такое? — встрепенулся Рамон.

— Гильза! — крикнул я. — Стреляная гильза осталась в кабинете дяди! Отпечатки!

— Будь я проклят! — Рамон побледнел как полотно, но сразу поборол растерянность, выхватил у меня баранку и забрался в кабину.

— Возвращаемся! Быстрее! — крикнул он, ставя на место рулевое колесо.

— Заводи! — отозвался я и вскочил на подножку со стороны пассажирского сиденья.

Затрещал двигатель; под частые-частые хлопки броневик

подкатил к воротам, легко снес их и въехал на территорию усадьбы. При ударе нас ощутимо потрянуло, и самоходная коляска даже выкатилась на газон, но Рамону удалось вовремя вывернуть руль и вернуться на аллею.

В один миг мы домчались до особняка, там крепыш резко затормозил, выскочил из кабины и опрометью бросился в дом. Я перебрался на его место, заранее развернул броневик к выезду и поднял откинутый до того на капот лобовой бронелист. Ночью ехать с закрытым ветровым стеклом не представлялось возможным, но сейчас уже рассвело, сельский люд давно проснулся, и меньше всего мне хотелось, чтобы какой-нибудь не в меру зоркий арендатор сообщил впоследствии полицейским наши приметы.

Вновь хлопнула входная дверь, Рамон стремительно сбежал с крыльца и забрался в кабину.

— Погнали! — крикнул он.

— Нашел?

— Да! — подтвердил крепыш, переведя сбившееся дыхание. — Да погнали же!

И мы погнали. Не останавливались до самого города, даже воду в радиатор не доливали, пока не загнали броневик в глухой проезд на задворках какой-то мануфактуры.

Рамон побежал с ведром к колонке на соседний перекресток, а я принялся расхаживать вокруг самоходной коляски, разминая затекшие ноги и посматривая по сторонам. Спину нещадно ломило, голова налилась свинцом, а руки дрожали от усталости, но не находил я себе места вовсе не из-за плохого самочувствия.

Беспокоило совсем иное.

— Что делать с самоходной коляской? — спросил у вернувшегося с водой напарника. — Все знали, что мы с дядей не в ладах, не удивлюсь, если сегодня-завтра ко мне нагрянут с обыском.

— Такое разве возможно? — удивился крепыш, заполняя радиатор.

— А сам как думаешь? — фыркнул я.

— Нет! — досадливо махнул приятель рукой. — А карантин? Как они попадут внутрь?

— Рано или поздно подыщут сиятельного с иммунитетом

к аггельской чуме. Броневик — прямая улика, наследили мы в имени изрядно.

— Избавься от него, — предложил Рамон.

— Не вариант, — отказался я. — Еще пригодится.

— Лео! Из-за этой консервной банки мы можем угодить за решетку!

Я даже ничего слушать не стал.

— Твой кузен со Слесарки... — прищелкнул пальцами. — Что, если загнать броневик к нему?

— Сдурел? — округлил Рамон глаза. — Не стану я впутывать в это семью!

— А угольный склад?

Крепыш задумался, потом кивнул.

— Знаешь, там есть пара заброшенных пакгаузов, — проворчал он. — До осени в них точно никто не сунется.

— С отдельным въездом? — уточнил я.

— Есть и такие, — подтвердил приятель. — Поехали!

К этому времени давно рассвело, и высыпавшие на улицы обыватели с любопытством глазели на забрызганный грязью до самой крыши полицейский броневик. К счастью, в окрестностях угольного склада, где теперь работал ночным сторожем Рамон, было безлюдно; там компанию нам составила лишь пара брехливых собак.

Рамон указал на нужные ворота, велел ждать и куда-то убежал, а вернулся уже с увесистой связкой ключей.

— Не волнуйся, — успокоил он меня, отпирая заржавевший амбарный замок, — этот пьянчуга не проснется, даже если у него над ухом корабельная пушка выстрелит.

— Сделай в свою смену дубликат.

— Обязательно.

Ворота подались с жутким скрипом, нам пришлось приналечь изо всех сил, распахивая створки, а потом я загнал броневик в черное от угольной крошки нутро пакгауза, заглушил движок и обессиленно протянул напарнику руку:

— Спасибо! Выручил.

Рамон стиснул ладонь своей лапищей и спросил:

— Награду за убийцу банкира когда стребуешь?

— С утра займусь, — решил я, взглянул на часы и поправился: — Да нет, ближе к обеду уже, наверное.

— Не затягивай с этим, — потребовал крепыш. — Хорошо?

— Не сомневайся даже, — пообещал я, взял трость и выбрался из кабины.

Совместными усилиями нам с грехом пополам удалось захлопнуть ворота склада, Рамон навесил на них замок, измазал его угольной пылью и оценивающе оглядел со всех сторон.

— Сойдет, — решил он.

Стоило бы снять со связки нужный ключ, но от усталости мысли путались, а глаза закрывались сами собой. Бессонная ночь и нервотрепка выжали из меня все соки, и единственное, чего сейчас по-настоящему хотелось, — это лечь в кровать и закрыть глаза.

Поэтому только махнул рукой и отправился домой. Спать.

Но добраться до кровати оказалось не так-то просто.

С толку сбила Елизавета-Мария. Она окинула меня оценивающим взглядом и тоном, не терпящим возражений, заявила:

— Чашка чаю тебе сейчас точно не повредит.

Я взглянул на отражение своей бледной и осунувшейся физиономии, отвернулся от зеркала и кивнул:

— Хорошо, накрывай.

— Попьешь на кухне. Надеюсь, хоть это научит тебя являться домой вовремя!

Выяснять отношения я не стал; просто был не в состоянии. Молча убрал на вешалку пыльную куртку, поставил трость в тубу для зонтов, затем избавился от заляпанных грязью сапог и прошел на кухню.

Уселся у окна, отпил горячего сладкого чаю и бездумно уставился на сад с черными, мокрыми от дождя деревьями.

— Вижу, возвращаться под утро входит у тебя в привычку! — многозначительно заметила суккуб, разжигая плиту.

Я промолчал. Не хотелось ни разговаривать, ни шевелиться, и даже постель больше не манила обещанием забытья, представляясь теперь чем-то нереально далеким.

Я сидел у окна и пил чай.

Елизавета-Мария оставила попытки разговорить меня и

поставила на огонь толстую чугунную сковороду. Налила масла, посыпала специй, и по кухне немедленно разлился аромат экзотических приправ. Пару минут спустя на раскаленный металл шлепнулся шмат мяса, но я не обратил на шипение и шкварчание ни малейшего внимания, и лишь когда девушка выставила передо мной тарелку с едва прожаренным бифштексом, выразил свое недоумение:

— Не слишком плотно для завтрака, как ты считаешь?

— Посмотри на себя, кожа да кости! — возразила девушка. — К тому же подозреваю, для тебя это не завтрак, а поздний ужин.

— С чего ты вообще решила, что я хочу есть?

— От тебя пахнет смертью, — спокойно ответила Елизавета-Мария, — а всякое убийство для человека — лишь прелюдия к сытной трапезе. Даже если это убийство себе подобного, так уж издревле повелось.

— Себе подобного? — скривился я. — Сегодня мы прикончили оборотня. Жуткая была тварь.

— Полагаешь, будто так сильно отличаешься от него? — не удержалась девушка от шпильки.

Меня передернуло.

— Отличаюсь! — резко бросил я. — Весьма и весьма. Все ясно?

— Как скажешь, дорогой, — пожала плечами Елизавета-Мария и достала из ящика бутылку хереса. — Да, кстати! Красное вино продолжает пропадать. Урезонь свою белобрысую мартышку, пока я не оторвала ей руки.

— В последнее время мы с лепреконом не находим общего языка, — покачал я головой.

Если начистоту, вымышленный друг детства просто сводил своими выходками с ума. Я не вспоминал о наглom коротышке долгие годы и теперь никак не мог взять в толк, с какой стати он вообще выбрался из подсознания. Это пугало возможной утратой контроля над собственным даром, ведь ни один мой кошмар не задерживался в этом мире так долго, ни одна фантазия не казалась столь реальной.

Елизавета-Мария была лишь личиной суккуба, а что придавало сил лепрекону?

Ответа на этот вопрос у меня не было.

— Этот коротышка пьет как лошадь, — пожаловалась девушка, усаживаясь напротив с бокалом крепленого вина, и придвинула ко мне тарелку с соусом. — Ешь!

Я собирался отказаться, но живот вдруг подвело от голода. И хоть никогда особо не жаловал плохо прожаренное мясо — а на срезе даже выступила кровь, должен был признать, что стейк оказался очень даже ничего. Острый соус с непонятным, но удивительно тонким вкусом прекрасно его оттенял.

— Слышала что-нибудь о Конvente? — спросил я девушку, отрезая очередной кусочек мяса.

— О Конvente? — озадачилась Елизавета-Мария и пригубила херес, пытаясь скрыть замешательство. — Это идейные, — сообщила она после долгой паузы, когда уже начало казаться, что мне не дождаться ответа вовсе.

— Идейные? — не понял я.

— Малефик обыкновенный просто счастлив продать свою жалкую душонку в обмен на малую толику силы и прижизненное благополучие. Эти не такие, они грезят о старых временах. Они хотят их вернуть.

— Вот как?

— Именно так, — подтвердила девушка. — А почему ты спрашиваешь?

Я только плечами пожал, не став рассказывать о последних словах умирающего оборотня.

— Не связывайся с Конventом, — предупредила Елизавета-Мария. — Они опасны, чрезвычайно опасны. Перейдешь им дорогу — они убьют тебя и сожрут душу.

— Откуда вдруг такая забота о моей душе?

На миг из-под личины миловидной девушки проступил истинный облик inferнального создания, и огненно-красные глаза адской твари обожгли меня неприкрытой ненавистью.

— В этом случае я останусь ни с чем! — заявила суккуб.

Но меня так просто было не провести. Я разбирался в страхах и мог сказать точно — суккуб боялась, и боялась за себя, не за меня.

— Тебя ведь призвал из ада малефик? — прищурился я. — Он был из Конвента?

— Не хочу об этом говорить.

— Ты сбежала от него и он ищет тебя? А что будет, если найдет?

— Тебе не удастся вывести меня из себя, Лео, — мило улыбнулась Елизавета-Мария, но я не собирался менять тему разговора.

— Быть может, он и награду объявил? — спросил суккуба, глядя прямо в глаза.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнула девушка. — Лео, мы с тобой заключили сделку, это может значить только одно...

— И что же?

— Он давно мертв, — объявила Елизавета-Мария. — Оторвала голову собственными руками. Ты даже не представляешь, как это было приятно!

— Прошу, избавь меня от подробностей! Мы же за столом!

— Не я начала этот разговор, — сухо напомнила суккуб. — И нет, он не был из Конвента. Самонадеянное ничтожество! Умные люди выбирают в *знакомцев* бесов и мелкую нечисть, с которыми можно творить что угодно! А он замахнулся на суккуба! Самонадеянный выскочка!

— Но ведь мелкая нечисть даст меньше силы, разве нет? — удивился я. — Какой от нее прок?

— Силы? — рассмеялась девушка. — Источник силы — божественный огонь человеческой души. Знакомцы нужны для другого.

— Просветишь?

Но девушка уже допила вино и поднялась из-за стола.

— Доедай и отправляйся спать, — потребовала она. Затем отошла к соседнему окну, посмотрела на мертвый сад и вдруг произнесла: — Боль.

— Что, прости? — решил я, будто ослышался.

— Боль, — повторила Елизавета-Мария. — Этот мир встречает болью, а когда хозяин творит заклинания, она удесятерится. Знакомцы принимают ее на себя, вот так. Не всю, лишь часть, но и это невыносимая мука.

— В самом деле?

— О да! Жжение разрывает голову и пронзает сотнями холодных игл. Ты слышал о китайской пытке водой? Моно-

тонная боль подавляет и низводит до уровня животного. Слова. Ты слышишь их, но не можешь понять. Не можешь даже понять, что ты действительно их слышишь.

— И сейчас?

— Нет, милый Лео, вовсе нет. Благодаря этому телу, — девушка отвернулась от окна и провела ладонью от груди до бедра, — боль оставила меня. Но она где-то рядом, ты уж поверь.

Я кивнул и поднялся из-за стола.

— Лео! Держись подальше от Конвента! — повторила суккуб. — Не зли их, не разговаривай с ними, не смотри на них и даже не наступай на их тени. Просто забудь об их существовании, мой тебе совет.

— Тени? — насторожился я. — Тени, которые живут собственной жизнью?

Елизавета-Мария ничего не ответила и вновь отвернулась к окну.

Я поколебался, но в итоге приставать к ней с расспросами не стал, махнул рукой и отправился в спальню.

Малефики, их знакомцы и непонятное жжение, мертвая Кира и ее компаньон, тени душителя — все это могло оказаться частью чего-то большего, но усталость помешала разложить все по полочкам; единственное, на что меня хватило, — это доползти до кровати, повалиться на нее и подгрести под голову подушку.

Спать!

2

Проснулся в один миг. Просто очнулся с ясным предчувствием беды, схватил с тумбочки «Рот-Штейр» и вскочил с кровати.

Оглядел спальню и с облегчением перевел дух — никого. Дурной сон?

Но тут на подоконнике оставленного открытым окна возникла худощавая фигура лисы-оборотня; стремительный прыжок — и вот она уже стоит посреди комнаты.

— Давно не виделись, — произнесла миниатюрного сложения девушка с явственным китайским акцентом, а потом

ее гладкое личико вдруг вытянулось в жуткую морду, блеснул оскал желтых зубов, мелких, но чрезвычайно острых.

Что острых — я знал это наверняка. И потому без колебания разрядил пистолет в изготовившуюся к прыжку тварь. Пули впустую продырявили деревянную панель за спиной лисы, сама она стремительно сиганула ко мне, но еще быстрее я выкинул вперед руку и рывкнул:

— Хватит!

Тварь развеялась в воздухе, лишь тугой порыв воздуха ударил в лицо, враз прогнав остатки сна. Кошмар, это всего лишь кошмар...

Подсознательно я опасался, что лиса попытается поквитаться, и мой талант не замедлил воплотить этот страх в жизнь. В последнее время он вообще пошел вразнос, мой талант. Как бы не вышло беды.

В дверь застучали; я отпер засов и впустил в комнату Елизавету-Марию.

— Опять кошмар? — спокойно спросила та, отметив многочисленные пулевые отверстия в стене.

— Вовсе нет, — возразил я, посмотрел на дымящийся пистолет в своей руке и пожал плечами. — Попытался изобразить монограмму ее императорского величества, только и всего.

— Нашел чем заняться, — фыркнула девушка и скрылась в коридоре. — Сходи в тир! Ты ужасно стреляешь! — крикнула она уже оттуда.

На смену рыжей ехидне пришел Теодор.

— Понадобится ремонт, виконт? — уточнил он, изучая учиненный мной разгром.

— Пожалуй, просто завесим ковром, — решил я и достал запасную обойму, потом обратил внимание на бледный вид дворецкого и спросил: — Все в порядке, Теодор?

— Разумеется, виконт, — ожидаемо уверил меня слуга, который заметно спал с лица, будто неким доступным лишь близнецам чутьем уловил гибель родного человека.

Стоило бы рассказать ему о гибели брата, но я заколебался, не представляя, какотреагирует на это известие слуга. Да и нужны ли ему лишние треволнения? Вовсе не уверен.

— Можешь идти, — отпустил тогда дворецкого, так и не придя ни к какому определенному решению.

Когда-нибудь я обязательно ему обо всем расскажу, но только не сейчас. В другой раз.

Трусость, скажете вы? Вовсе нет, обычная тактичность, и не более того. Нельзя же просто взять и вывалить на дворецкого эдакое известие! Нужно как-то его сначала к этому подготовить, что-то придумать...

Ладно, трусость, и что с того?

Кто из нас без недостатков?

Я перезарядил «Рот-Штейр», оделся и вышел из спальни. Спустился на первый этаж, придирчиво оглядел себя в зеркало, но костюм нигде не топорщился и сидел идеально, будто шили специально на меня. Удивительно даже, учитывая нестандартную фигуру. Длинный и тощий, на такого готовое платье покупать — сущее мучение.

— Лео! — окликнула меня с кухни Елизавета-Мария. — Идем пить чай!

— Не сейчас! — отказался, взглянув на настенные часы. Был второй час дня.

— Лео! — повысила голос девушка.

Я тяжело вздохнул и сдался.

— Давай попробуем представить, будто мы обычная семья, — предложила Елизавета-Мария, когда я уселся за стол и уставился в окно.

Меня так и подмывало ответить грубостью, но усилием воли я сдержал этот неуместный порыв и лишь заметил:

— В нашем случае речь идет о хозяине и прислуге. Такая аналогия представляется мне более уместной.

Елизавета-Мария насыпала в свою кружку две ложечки сахара и спокойно парировала:

— Во многих семьях так и живут, дорогой. Муж-повелитель и бесправная рабыня-жена.

Я взял из корзинки поджаренный тост и снял крышку с баночки малинового мармелада, зачерпнул его ножом и с горестным вздохом покачал головой:

— Суккуб-суфражистка. Куда катится этот мир?

— Не могу сказать, что в аду царит равноправие, но мы более чем толерантны к чужим недостаткам, дорогой. Смертным есть чему у нас поучиться.

— Вот уж даром не надо! — фыркнул я, отпил чаю и спросил: — Что ты знаешь о вампирах?

Девушка склонила голову набок и с интересом уставилась на меня, всем своим видом предлагая продолжать.

— Что непонятного? — пробурчал я, намазывая мармеладом второй тост. — Клыки, бледная кожа, аллергия на солнечный свет, нездоровая тяга к чужой крови. Что ты знаешь о них?

— Собрался в Трансильванию? — пошутила Елизавета-Мария.

Или не пошутила, а спросила на полном серьезе?

— Почему именно в Трансильванию?

— Помнишь, вчера зашел разговор о жжении? — Девушка задумчиво уставилась в чашку с чаем, потом отодвинула ее от себя и сходила за вином; бутылку крепленого красного она прятала в ящике с крупами.

— Жжение? — удивился я. — И что с того?

— Малефики испытывают боль, лишь когда творят заклинания. Это случается не так уж и часто, можно перетерпеть либо заставить страдать вместо себя знакомого. Обратные мучаются непосредственно после обратного обращения в человека, но даже так в Новом Вавилоне они гости нечастые.

Я кивнул, соглашаясь с этим утверждением, и Елизавета-Мария продолжила:

— Выходцы из преисподней выбирают в этот мир наскоками, от боли они спасаются, облачаясь в чужую плоть, забирая людские души и тела. Иные существа, порождения былых времен, либо бегут от цивилизации, либо деградируют, теряя последние остатки разума. Лишь призраки и порождения магии не чувствуют боли, поскольку не чувствуют ничего.

— К чему ты ведешь?

— Никто не способен долго выносить подобную боль, — объявила Елизавета-Мария. — Вампир не может отказаться от своей сути и вновь стать обычным человеком ни на день, ни на минуту. Вампир не зомби, поднятый гаитянскими мастерами, он способен чувствовать боль. Но тело его мертво, а мертвая плоть не защищает от боли.

— Как давно тебя призвали в наш мир? — спросил я, уловив промелькнувшую в голосе суккуба тоску.

— Не важно! — раздраженно отмахнулась девушка и смежила ресницы, прикрывая засветившиеся недобрым сиянием глаза. — Это не важно, Лео. Главное, что ни один вампир не придет в Новый Вавилон по доброй воле. Это сродни самой изощренной пытке. Только если под угрозой смерти.

— И все же, где их искать?

— В Трансильвании, Румынии или Зюйд-Индии. Среди египтян или ацтеков. На Кубе или в африканских колониях. В сибирской тайге, горах Афганистана и бескрайних азиатских степях. Где угодно, только не здесь, не в больших городах. Даже в провинции жжение не столь сильно...

Но у меня перед глазами стояло обескровленное тело служанки с двумя аккуратными ранами на шее, поэтому я уточнил вопрос, продолжая настаивать на своем:

— Где искать вампира в Новом Вавилоне?

Елизавета-Мария посмотрела в ответ с неприкрытым сомнением, потом с безразличным видом пожала плечами, явно потеряв к этому разговору всякий интерес:

— В какой-нибудь дыре, чем глубже, тем лучше. Если он действительно прибыл в Новый Вавилон, то схоронился в свинцовом саркофаге где-нибудь в катакомбах за городом.

— Саркофаге? — удивился я. — А почему именно в свинцовом?

— Встретишь вампира — спроси. Возможно, он даже ответит, — отстраненно улыбнулась девушка, размышляя уже о чем-то совсем другом. — Какие у тебя планы на вечер? — вдруг поинтересовалась она, накручивая на палец длинный рыжий локон.

— Иду в цирк, — сообщил я, встал из-за стола и снял фартук, который надевал, дабы не заляпать мармеладом костюм. — А что?

— Ты не похож на любителя цирковых представлений.

На самом деле так и было; цирк я не любил. И цирк, и цирковых.

Дьявол! Если разобраться, на свете было не так уж много людей, к которым я по тем или иным причинам не испытывал антипатии.

Мизантроп? Нет, скорее, клинический интроверт.

— Друг попросил составить ему компанию, — пояснил я

Елизавете-Марии, а когда она вслед за мной вышла в прихожую, в свою очередь поинтересовался: — Это жжение, что его вызывает?

— Вопрос на миллион! — рассмеялась девушка, взяла перьевую метелку и принялась стряхивать с полок пыль. — Но во времена падших его не было, тогда весь мир принадлежал нам, и только нам.

— Да-да, — усмехнулся я и вышел на улицу, не став брать с собой ни плаща, ни куртки.

Погода порадовала. От вчерашнего ненастья не осталось и следа, небо прояснилось, и лишь на самом горизонте продолжали клубиться недоброго вида кучевые облака.

Я начал спускаться с крыльца, и немедленно неуютной ломотой напомнила о себе отбитая нога. И пусть сегодня она беспокоила не так уж и сильно, все же показалось разумным вернуться в дом за тростью Александра Дьяка.

— Быстро ты! — язвительно хмыкнула при моем возвращении Елизавета-Мария, не переставая стряхивать метелкой пыль.

— А ты, смотрю, все по хозяйству хлопчешь? — не остался я в долгу и с удивлением глянул под ноги, только сейчас обратив внимание на голый пол. — А ковер-то тебе чем не угодил?

— Ковер? — удивилась девушка.

— Да, ковер!

— Лео, ты принимаешь меня за домработницу? Какое мне дело до твоих ковров?

Я нахмурился и повысил голос:

— Теодор!

— Да, виконт? — вышел на крик дворецкий.

— Теодор, ты не убирал из прихожей ковер?

— Нет, виконт, — бесстрастно ответил слуга и больше не сказал ничего.

Елизавета-Мария уставилась на меня с живым любопытством. Я ответил ей не менее заинтересованным взглядом.

— Это точно не твоих рук дело?

— Не моих, — подтвердила девушка.

Сам не знаю почему, но я поверил. И от этого встревожился еще больше.

Прошелся по гостиной, внимательно глядя под ноги, и вскоре заметил длинный бурый мазок на одном из плитусов, словно кто-то пытался наскоро затереть пролитую там красную краску. Или кровь?

— Посмотри, — попросил я Елизавету-Марию.

Девушка грациозно присела, поскребла длинным ногтем насторожившее меня пятно, облизнула палец и озадаченно протянула:

— Как интересно!

— Что это?

— Кровь, — вынесла девушка вердикт и добавила: — Свежая.

Отстраненную невозмутимость Теодора как рукой сняло.

— Но позвольте! — возмутился он. — Кроме нас, в доме никого нет и быть не может! Виконт, вам ли этого не знать!

— И между тем пропал ковер, а пол перепачкан кровью, — пробурчал я, продолжая осматривать комнату. На первый взгляд все оставалось на своих местах, никаких других следов постороннего присутствия обнаружить не удалось.

— Опять твои кошмары? — промурлыкала Елизавета-Мария.

— Не знаю, — передернул я плечами и выглянул в коридор. — Теодор, принеси лампу!

Дворецкий выполнил распоряжение, и вскоре в неровном свете «летучей мыши» нам удалось обнаружить еще несколько капелек крови, смазанных и полусохших.

Я вытащил из кобуры «Рот-Штейр» и дослал патрон. В доме был кто-то чужой, и даже думать не хотелось, для какой цели ему понадобилось скатывать ковер. Впрочем, кровь на полу особого простора для фантазии не оставляла.

Кто-то кого-то убил и теперь заметал следы.

Но кто? И самое главное — кого?

Теодор вооружился кочергой, Елизавета-Мария сбегала за саблей, и мы двинулись по кровавым отметинам, словно по следу из хлебных крошек. Особой аккуратностью злоумышленник не отличался, и выискивать бурые пятна не составляло никакого труда.

Мы миновали чулан и кладовку, свернули в боковой коридор, и Теодор догадался:

— Каретный сарай!

И точно — капли крови тянулись к внутренней двери в пристрой; попасть в него можно было не только с улицы, но и напрямую из дома.

— Тише! — шепнул я, рывком распахнул дверь и шагнул внутрь со вскинутым пистолетом. Теодор быстро ступил следом и поднял лампу над головой, освещая темный сарай.

Застигнутый врасплох лепреккон досадливо сдвинул на затылок смятый гармошкой цилиндр, выплюнул на пол самокрутку и выругался:

— Драть, как не вовремя!

И в самом деле, когда тебя ловят у выложенного на верстак свежего трупа с ножовкой в руке, это и в самом деле совсем не вовремя...

— Какого черта?! — прорычал я и, пригнув голову, дабы не зацепить макушкой низкую притолоку, спустился по лестнице. — Какого черта ты творишь?

Лепреккон ничего не ответил. Он сорвал с себя кухонный фартук и ловко сиганул в открытое окно.

Я сунул пистолет в кобуру и подошел к телу с распоротой от уха до уха глоткой. Покойник не был мне знаком, и совершенно точно он не являлся сиятельным — в мертвых глазах уже растеклась кровавая муть опутавшего дом проклятия. Организм сиятельного не капитулировал бы перед агельской чумой столь быстро.

— Знаешь, Лео... — с непонятым выражением протянула Елизавета-Мария, медленно перебирая заготовленные лепреконом инструменты: ножовку, топорик, набор сапожных ножей, молоток и зубило, — твои фантазии куда темнее, чем я могла полагать...

Я выругался.

— Это не моя фантазия!

— Тогда кошмар?

— Перестань! — отмахнулся я и перевернул валяющиеся на полу пожитки покойника.

Портмоне с парой сотен франков, перчатки, перочинный нож никаких подозрений не вызвали, но маска с проре-

зьями для глаз, набор отмычек, короткий ломик и стеклорез говорили сами за себя.

Нас посетил взломщик. Что ж, он выбрал не тот дом.

— Сдается мне, ситуация неоднозначна, — пробормотал я, перекладывая деньги в собственный бумажник.

— Ну, если тебе хочется так думать... — ухмыльнулась Елизавета-Мария, забавляясь происходящим.

Теодор остался невозмутим.

— Что будем делать, виконт? — спросил он. — Избавимся от тела или сообщим в полицию?

Я прошелся по сараю, нервно постукивая пальцами по ящикам с трофейным оружием, потом решил:

— Уберем на ледник.

— Свежее мясо? — рассмеялась девушка и вскинула руки. — Лео! Не будь ты таким серьезным, это просто шутка!

— Хорошо, если так, — пробурчал я, расправляя залитый кровью ковер. — Теодор, помогай!

Вдвоем с дворецким мы спустили покойника на пол, завернули его и поволокли в дом. Елизавета-Мария подняла крышку люка, и нам осталось лишь спустить тело вниз и уложить его на лед.

— Это неправильно, — поджал губы дворецкий. — Он не может здесь оставаться!

— Не может, — согласился я, спешно покидая подвал; находиться там дольше необходимого не хотелось.

— И что мы с ним будем делать? — поднялся вслед за мной Теодор.

— Что-нибудь придумаем, — пожал я плечами, намереваясь позже пригнать броневик и вывезти тело за город.

Елизавета-Мария опустила крышку люка и ехидно поинтересовалась:

— Не хочешь спросить у своего воображаемого друга, что намеревался сделать он?

— Обойдусь без его советов.

— Виконт... — начал было дворецкий, но я его оборвал:

— Позже, Теодор! Разберусь с делами и что-нибудь придумаю.

Елизавета-Мария поправила мне шейный платок и улыбнулась:

— Дорогой, неужели есть более неотложные дела, нежели свежий покойник на леднике?

— Гораздо более неотложные, — подтвердил я, надел перед зеркалом котелок и вышел за дверь.

3

Контора моего поверенного располагалась в одной из безликих высоток из стекла и бетона, которые вырастали в северной части города, где постепенно формировался новый центр деловой жизни империи. Крупные корпорации выкупали там под свои нужды целые этажи, менее состоятельные компании довольствовались арендой отдельных офисов. Особенно престижными среди успешных предпринимателей почитались помещения с видом на историческую часть Нового Вавилона; мой юрист сидел в клетушке без окон.

Недавний выпускник юридического факультета, рыжий и болезненно-бледный, оторвался от бумаг и растянул губы в некоем подобии радушной улыбки. От нашего сотрудничества начинающий законник не получал ни сантима прибыли, довольствуясь лишь статусом поверенного виконта Круса, и потому полагал возможным работать спустя рукава. Обычно меня это вполне устраивало, обычно — но не сегодня.

Когда юноша начал подниматься на ноги, я толкнул его обратно на стул, а сам уселся на край стола.

— Есть срочное задание. Надо заняться им безотлагательно, прямо сейчас! — приказал тоном, не терпящим возражений.

— Но, виконт, я не могу бросить остальных клиентов! — запротестовал юрист, который и в самом деле до моего появления разбирал какие-то бумаги.

Я выложил перед ним чек на десять тысяч франков и улыбнулся:

— Твои комиссионные — десять процентов.

Поверенный изучил чек и перевел на меня изумленный взгляд.

— Десять процентов? — переспросил он с плохо скрываемым волнением.

— Да, — подтвердил я. — Десять процентов от десяти тысяч. Но придется потрудиться.

Юрист раскрыл блокнот и уточнил:

— При каких обстоятельствах вы получили чек и в связи с чем он был опротестован?

— Не важно, — отмахнулся я, соскочил со стола и распорядился: — Подай иск о взыскании всей суммы, в качестве обеспечительной меры наложи арест на банковские счета графа, его загородное имение и дирижабль «Сиракузы». Дирижабль надо объявить в розыск незамедлительно.

— Но, виконт! — запротестовал поверенный. — Для подобной суммы это чрезмерные меры...

— Не успеешь наложить арест на счета и содрать с графа наличные, придется на общих основаниях дожидаться средств от распродажи имущества. Мне бы этого не хотелось. А тебе?

Юрист покачал головой и нерешительно проблеял:

— Но дирижабль?

— Дядя может попытаться улететь на континент. Как только мы лишим его средства передвижения, он сразу станет сговорчивей.

— В случае добровольного погашения чека... — поверенный нервно хрустнул костяшками пальцев, — мои комиссионные остаются в силе?

— Да, десять процентов твои при любом раскладе. Но если не займешься этим делом прямо сейчас, придется нанять кого-то другого.

Юрист выскочил из-за стола, оправил жилет, сдернул с вешалки поношенный пиджак и отпрапортовал:

— Еду в суд немедленно!

— Стой! — Я едва успел его остановить. — Сначала составь официальную претензию, я завезу ее поверенному дяди, чтобы нас потом не обвиняли в недобросовестности.

Так поступил бы любой, не знай он наверняка о бегстве графа, и я не собирался давать повод заподозрить себя в излишней информированности.

Законник вернулся за стол, заправил лист в побитую вре-

менем печатную машинку и принялся с сумасшедшей скоростью колотить по клавишам, время от времени посматривая на выложенный перед собой чек.

Я не стал садиться на шаткий стул для посетителей и принялся выхаживать от стены к стене. Неровное мерцание электрической лампы под потолком изрядно действовало на нервы.

— Вот, готово! Подпишите! — протянул мне заявление юрист четверть часа спустя.

Я подписывать ничего не стал, для начала внимательнейшим образом изучил претензию, велел исправить несколько опечаток и лишь после этого поставил внизу свою подпись.

— Потеряешь чек — оторву голову, — предупредил поверенного, убирая заявление во внутренний карман.

— Не извольте сомневаться! — проникновенно произнес тот. — Сдам на хранение в нотариальную контору.

— Сдай, — кивнул я. — И не трать время попусту.

— Уже иду!

Не став дожидаться юриста, я в одиночестве спустился на улицу, остановил первого попавшегося на глаза извозчика и велел ехать на Виа Бенардос, где обретался адвокат моего дражайшего дядюшки.

Мэтр Ласаль снимал контору на верхнем этаже здания, внешне изрядно напоминавшего кусок пирога: выходящий на небольшую площадь фасад был нормальной ширины, а вот боковые стены строители свели под сильным углом, дабы втиснуть архитектурного уродца между двумя соседними домами. При желании с крыши на крышу можно было даже не перепрыгнуть, а просто перешагнуть.

Въедливый вахтер на входе пожелал узнать цель визита, затем по слуховой трубке связался с помощником адвоката и, только получив от него подтверждение, разрешил пройти. Лифтов в здании не было, пришлось подниматься на пятый этаж по лестнице, которая обвивала внутренний дворик — крохотный и темный колодец.

Помощник поверенного встретил меня в приемной и попытался задурить голову расспросами, но я досадливо отмахнулся от него и прошел напрямик в кабинет адвоката.

— Виконт Крус! — с удивлением оторвался от бумаг худо-

щавый, если не сказать subtilный господин лет пятидесяти, который вел личные дела сразу нескольких представителей старой аристократии, еще состоятельных, но уже давно утративших былое влияние. — Чем обязан визиту?

Я обернулся к настырному помощнику, вставшему в дверях, и раздраженно рыкнул:

— Скройся!

— Оставь нас, — приказал мэтр Ласаль и укорил меня: — Немного вежливости, виконт! Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как обычная вежливость.

— Ваше право, мэтр, но я бы предпочел наличные, — парировал я, выкладывая на стол претензию. — Например, десять тысяч франков.

Адвокат нацепил на нос очки для чтения и принялся изучать документ; я не стал стоять у него над душой и отошел к окну, которое выходило на соседний дом с ржавой гусеницей пожарной лестницы. Вид открывался на одну из боковых улочек, узенькую и кривую.

— Это какая-то ошибка! — воскликнул тут поверенный дяди. — Это просто недоразумение!

— Не думаю, мэтр, — покачал я головой, продолжая стоять у окна, — но в любом случае никто не запрещает вам связаться с графом и поговорить с ним напрямую.

— Чек у вас собой?

— А сами как думаете?

— Бред какой-то, — пробормотал адвокат, поднял трубку телефонного аппарата и попросил соединить с именем графа Косице. Вскоре он бросил трубку и сообщил: — Неполадки на линии.

— Досадно.

— Где вы взяли чек, виконт?

— Не имеет значения, он на предъявителя.

— Я ставлю под сомнение ваше право на него, его подлинность и сам факт отказа в погашении! — легко привел законник сразу три противоречащих друг другу аргумента, но меня так легко было не пронять.

— Остается только убедить в этом судью, — улыбнулся я.

— Это злоупотребление правом! — возмутился адвокат. — Требование ареста имущества, счетов и средства пе-

редвижения по столь малозначительному поводу просто смехотворно!

— Свяжитесь с графом, мэтр, — посоветовал я. — Свяжитесь и настоятельно порекомендуйте встретиться со мной в самое ближайшее время. Дальше будет только хуже.

Адвокат поднялся из-за стола и очень тихо, но четко произнес:

— Вы пожалеете об этом, виконт. Вы очень сильно пожалеете о своей неосмотрительности.

— Вежливость! — воскликнул я, покидая кабинет. — Мэтр, помните о вежливости!

Пытаться поймать извозчика на Виа Бенардос не стал, сразу свернул на одну из боковых улочек, прошел через арку на тихий бульвар и зашагал к Императорской академии, благо ломота в ноге беспокоила сегодня уже не так сильно. К тому же я никуда не спешил.

В итоге до Леонардо-да-Винчи-плац добирался минут десять. Когда заглянул в лавку «Механизмы и раритеты», Александр Дьяк читал газету.

— Леопольд Борисович! — обрадовался моему появлению изобретатель, обогнул прилавок и протянул руку. — Вас можно поздравить?

— С чем? — насторожился я.

— С удачно проведенным научным экспериментом, разумеется! — рассмеялся Александр Дьяк и осекся. — Или это не вы прикончили Прокруста?

Я обреченно вздохнул и поправил изобретателя:

— Это был не Прокруст.

— Как скажете, Леопольд Борисович, как скажете! — покивал хозяин лавки. — Надеюсь, вы не забыли о моей просьбе? Для науки крайне важны точные временные рамки...

Как ни удивительно, но о просьбе изобретателя я не забыл и прямо в опиумной курильне, пока дожидался наряда, накидал в блокноте полную хронологию событий — от первого выстрела и до последнего вздоха оборотня.

— Держите, — протянул я собеседнику вырванный из блокнота листок, а сам взял с прилавка газету и углубился в чтение, но, кроме броского заголовка «Прокруст мертв!», никакой конкретики в статье не содержалось.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МАВР. ЗАКАЛЕННАЯ СТАЛЬ И ЗАГУЩЕННЫЙ КЕРОСИН	5
Часть вторая. ЛАЗАРЬ. ПЯТНАДЦАТЫЙ НОМЕР ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РУЧНЫЕ ГРАНАТЫ	133
Часть третья. ДЕМОН. ВЫСОКОВОЛЬТНЫЕ РАЗРЯДЫ И СИГНАЛЫ МОРЗЕ	220
Часть четвертая. СЕРДЦЕ. ХИРУРГИЧЕСКИЙ СКАЛЬПЕЛЬ И КУХОННЫЙ НОЖ	324